
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Игорь Герасимов
(г. Донецк, Украина)

Игорь Григорьевич Герасимов не является профессиональным литературоведом, писателем, историком словесности и пр. Он — ученый-биохимик, доктор биологических наук, профессор, долгое время работал в НИИ медицинских проблем семьи Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. В настоящее время — профессор Донецкого национального университета. Признанный ученый в области изучения биохимических и биофизических основ памяти. Автор многочисленных патентов на изобретения и научных публикаций, в том числе монографий, изданных на Украине, в России и Германии. Научную деятельность совмещает с занятиями историей и литературой. Участвует в археологических экспедициях на юге страны (Украина + Россия = бывш. СССР). Имеет ряд публикаций в литературных изданиях. В «Приокских зорях» публикуется впервые, но зато в каком качестве? — В качестве автора первого поэтического перевода «Слова о полку Игореве»: именно поэтического перевода, а не стихотворного пересказа, что не есть синонимы. Это сделано И. Г. Герасимовым впервые за почти двухвековую историю пристального изучения самого поэтического произведения — памятника литературы Древней Руси.

СЛОВО ПРО ПОХОД ИГОРЕВЫЙ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Пристало¹ песню, братья, щебетом начать словами старины нам,
повесть горькую про поход Игоревый, Игоря Святославича!
Начаться же песне этой по былицам сего времени,
а не по мыслям-замыслам Бояна.
Боян же вещей, если кому сложить он песнь задумал,
то растекался он мысливью² по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака.

Помнил он, говорят, прошлых времен уособицы.
Тогда пускали десять соколов на стадо лебедей.
Которая настигнута первой, песню³ поет та
давнему Ярославу, храброму Мстиславу,
что враз зарезал Редедю пред косоожскими войсками,
и Роману-красному Святославичу.
Боян ж, братья, ведь не десять соколов
на стадо лебедей пускал, нет:
легко вещими перстами живые струны он лелеял,
они же сами князьям славу рокотали.

Итак, повествовать, братья, начнем
от давнего Владимира до нынешнего Игоря,
что ум свой выковал своей же крепостью и, заострив его
сердца своего мужеством, наполнился воинским духом,
и повел свои храбрые войска
на Поле Половецкое⁴ за землю Русскую он.

О Боян, о соловей слов давнего времени!
Как бы ты про те войска прощebetал,
скача соловьем по замысла древу,
взлетая умом под облака,
сплетая обе славы времени старинного,
рыща тропой Траяна через доли в горы.
Спеть пристало песнь Игорю, что того внук он⁵:
«Не буря соколов занесла через степь широкую,
галочки стада бегут к Дону великому».
Или иначе спеть пристало, Боян, внук Велесов вещей:
«Заржали кони за Сулою, взввенела слава в Киеве,
трубы вструбили в Новгороде и встали стяги в Путивле».

Игорь ждет брата, мил всем, Всеволода.
И сказал ему яр-тур Всеволод:
«Один, брат, один свет светлый ты, Игорь мой,
оба с тобой Святославичи!
Седлай, брат, ты своих борзых коней скорей,
а мои-то готовы, оседланы, стоят под самым Курском, ждут.
А мои-то куряне, бывалые в ратях, под трубами повиты
и под шлемами взлелеяны, с конца копья куряне вскормлены,
пути известны им, овраги знакомы им,
луки у них натянуты, тулы⁶ открыты их, сабли их наточены,
сами скачут они, как серые волки в поле,
чести себе ища, а князю славы.

Тогда Игорь глянул на светлое солнце и видит:
от него всех воинов его тьма закрыла.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и ты, дружина!
Лучше убитым быть нам,
нежели плененным быть нам.

Так сядем, братья, мы на своих борзых коней быстрее
да на Дон синий посмотрим». Пало князю на ум желанье (жажда ему знамение заслонила)
испить из Дона великого.
«Хочу,— говорит,— я копье преломить о край Поля Половецкого
с вами русичи;
хочу или сложить свою голову, или испить хочу шлеом Дона».

Тогда взошел князь Игорь в стремена золотые
и чистым поехал он полем.
Солнце ему дорогу тьмою заграждало,
ночь, стенаючи ему грозою, птиц разбудила,
свист зверей поднял;
взвился Див, кличет с кроны древа,
велит послушать весть земле неведомой Волге,
и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, эй, идол, Тьмутораканский столб!

А половцы непроторенными тропами побежали к Дону великому;
кричат телеги в полуночи как вспугнутые лебеди.

Игорь к Дону войско ведет.
Уже взроптали ему беду птицы дубравами,
волки таят угрозу по оврагам,
орлов клеток зверей на кости зовет,
лисицы лают на червонные щиты.
О Русь-земля! по-за семью холмами шлемы уже!

Меркнет, длясь, ночь, зари свет запылал и мгла поля покрыла.
Соловьев шелк уснул, говор галочий пробудился.
Русичи простор степей без меж червонными щитами оградили,
чести себе ища, а князю славы.

А в пятницу утром потоптали поганые полки половецкие
и, разлетясь стрелами по полю,
погнали девок, красавиц половецких в плен,
а с ними золото и атласы, с ними жемчуг драгоценный.
Покрывалами и кожухами их и плащами
принялись мостить настилы, по болотам и топям гатить,
и разными украшениями половецкими.
Червон стяг, бела хоругвь, червон бунчук на солнце,
серебрян скипетр⁷ — все храброму Святославичу!

Храбрых братьев Олегово гнездо дремлет в степи.
Далеко залетело!
Не было оно печали порождено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон и нехристь, половчанин.

Гза бежит серым волком,
Кончак ему путь стелет к Дону великому.

На следующий день утром кровавые зори возвещают свет,
черные тучи с моря идут, хотят закрыть все четыре солнца,
а в тучах молнии синие мечутся.
Быть тут грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться, тут и саблям притупиться
обо шлемы половецкие на реке на Каяле у Дона великого.
О Русь-земля! по-за семью холмами шлемы уже!

Вот ветры, Стрибожьи внуки,
веют с моря стрелами на храбрые войска Игоревы.
Земля стонет, реки мутно текут,
поля пыль и тлен покрывают, стяги стенают.
Половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские войска обступили.
Дети бесовы кличем степь перегородили.
У русичей храбрых своя преграда: червонные щиты.

Тур ярый Всеволод! Ты стоишь на поле брани,
осыпая войско стрелами,
громыхая о шлемы мечами булатными.
Тур, куда подсакивал, яр, золотым ты шлемом посверкивая,
там лежат тех нехристей головы половецкие.
Растрошены саблями калеными
их шлемы аварские, и все тобой,
тур ярый Всеволод, презревший раны славные.
Братья, позабыл и почет и жизнь,
и город Чернигов, стол золотой отцовский,
и своей милой жены, красавицы Глебовны, почести и обычаи.

Были века Траяна, минули года Ярослава,
были Олега битвы, Олега Святославича.
Ведь тот Олег мечом выковывал сговор
и стрелы землей рассеивал.
Ступал в золотое стремя он в Тьмуторакани,
звон этот слышал давний великий Ярослав,
а Владимир, что ни утро, уши заващивал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
устлав Канинин ручей зеленополюм плащом
за обиду Олега, храброго, молодого.
А с той же Каялы Святополк перевозил тело отца своего
меж иноходцами венгерскими к собору святой Софии в Киеве.
При том же Олеге Гориславиче
как сеялось, так и возрастало все усобицами,
погибало наследие Дажьбожьа внука,
в княжьих раздорах годы сократились человечии.
Тогда по Русской земле редко пахарей перекличка,
но часто вороны каркали, меж собой деля мертвецов,
а галки о своем говорили, пиршества желая, полететь хотели на тризну.

То было в те битвы и в те походы,
такой же битвы неслыханно.

С рассвета и до вечера, с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли, круша шлемы,
трещат копья с хряском булатные
в землях неведомых Поля средь Половецкого.
Копыта бьют черну землю,
костьми она засеяна, она кровью ран полита,
горем взошли всходы по Русской земле.

Что мне шумит, что мне звенит там
из дали рано предтечей зорь?
Игорь войска на попятную:
жаль ведь ему милого брата Всеволода.

Бились весь день, второй весь день бились;
третий день полудень близил, когда пали стяги Игоревы.
Тут расстались оба брата на склоне быстрой Каялы.
Тут кровавого вина нехватка,
тут пир завершили храбры русичи;
сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.
В жалости трава никнет скорбно
и в горе дерево к земле приклонилось ниц.

Тогда-то, братья, и наступило невеселое время,
тогда пустошью силу сломило.
И встала Обида средь силы внука Дажьдбожья
ступила девою на землю Траяна и всплеснула лебедиными крыльями,
в Синем⁸ море у Дона плещучись, разметав избыльи век.
Пришел борьбе князей с нечестивыми тут конец,
ибо молвил брат брату: «То мое и это тоже».
И тогда же князья про малое говорили «великое»,
чем сами для себя коварство ковали,
и со всех нечестивцы сторон пришли за победами на землю Русскую.

Далеко залетел сокол, птиц бья, к морю!
А Игоревы храбрые войска не воскресить.
О нем с кличем Карна, и Жля скакали землю Русской,
меча жар из пламенного рога людям.
Жены русские, запричитали, заплакали:
«Уже нам любимых своих ни мыслью не вымыслить,
ни думой не выдумать и ни взглядом не углядеть,
и вовсе не коснуться золота и серебра нам».

Застонал, братья, стопами Киев горестно,
от напастей Чернигов в стон.
Тоска разливалась по Русской земле,
печаль обильно землей Русской растекается.
А князья сами для себя коварство ковали.
Нечестивцев же стаи победные
набросились на Русскую землю,
взимая дань по белке⁹ со двора.

И оба те храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, уже ложь разбудили,
которую, казалось, приспал отец их
Святослав, князь грозный, великий киевский;
грозою словно, не пощадил
врагов своих он воинов силой и булатом их мечей,
наступил на землю Половецкую, истоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера, иссушил протоки и болота.
Нечестивого Кобяка у лукоморья
от железных великих полков половецких,
словно вихрь выхватил:
и упал тот Кобяк навзничь в Киеве в гриднице Святослава.
Тут немцы и венецийцы, тут греки и моравы
поют славу Святославу, хаот князя Игоря;
он ведь утопил благодень в Каяле,
реке половецкой, засыпав ее дно русским золотом.
Игорь князь пересел из седла золотого
во седло невольника.
И стены городов унылы, а веселье и вовсе сникло.

А Святослав, он мутный сон видел:
«В Киеве на горах с вечера одевают к ночи меня,—
сказал,— в черное одеяние на кровати тисовой,
черпают мне синее вино, смешав с кручиною,
ссыпают мне из полых тул нечестивых толмачей
жемчужин крупных на грудь груды, после плачут по мне.
Без князька уже крыша в моем тереме златоверхом.
Всю ночь от вечера серые вороны каркали
у Плеснеска в полной пойме,
погребальные сани¹⁰ понесли меня к Синему морю».

Сказали бояре князю:
«Уже, князь, пленили скорбные раздумья,
ибо два сокола слетели
с золотого отчего стола на поиски ль Тмуторокани;
испить ли надумали шлемами Дона.
Уже крылья соколов пообрезаны нечестивых саблями,
а их самих опутали железными путами.
Темно стало в третий день:
Двух солнц померкла яркость,
оба столпа багряных сникли, погасли
и с ними молодые месяцы, Олег и Святослав,
заволокло которых тьмою,
все в море погрузились,
чем в безумье большое повергли куманов.
На реке на Каяле закрылся свет тьмою,
по Русской земле рассыпались половцы,
как гепарды из засад.
Уже насела хула на хвалу,
уже взъелась нужда на волю,

уже сверзился Див на землю.
Вот готские девицы красны запели,
бряца золотом русским, у Синего моря,
поют время Бусово,
лелеют месть за Шарукана.
А мы, дружина, ждем-неждемся праздника¹¹».

Тогда великий Святослав,
со слезами смешав, золотое слово сронил; сказал:
«О мои племяши, Игорь мой и Всеволод мой!
Очень рано начали Половецкую землю мечем пробовать,
а себе славы искать вы.
Не с честью одолели,
не с честью и кровь вы проливали нечестивых.
Ваши храбры сердца
разящего булата выковки, закала несмирленного.
Что с моею стало серебряной сединой,
Я уже не вижу власти ни сильного, ни богатого,
ни со многими брата моего Ярослава
черниговскими вельможами,
могутами, татранами и шельбирами,
с топчаками, ревутами и ольберами,
что вовсе без щитов лишь с засопожником
кличем войска побеждают,
звеня во прадедову славу.
А вы же: «Мы сами возмужали,
прежнюю славу сами присвоим,
грядущую же сами поделим!»
А не чудо ли, братья, чтоб старцу омолодиться?
Даже сокол в линьки период
высоко птиц отгоняет,
не дает гнезда своего в обиду.
Беда: князья мне не помощники.
Времена нынче явно навыворот».

В Римове кричат под саблями половецкими,
а князь Владимир под ранами.
Горе и печаль сыну Глебову.

Ты, князь великий Всеволод! Не надумал ли ты
прилететь к нам ты издалека
золотой отчий стол защитить?
Ты разьять можешь Волгу веслами на капли,
а Дон повычерпать шлемами.
Будь ты здесь, была бы наложница по полполушки,
а невольник по грошу.
Ты ведь можешь на суше¹², князь,
стрелять живым огнем корабельным
с удалью сыновей Глебовых.

Ты, яр Рюрик, и с ним Давид, брат!
Не ваши ли воины в шлемах золоченых
по крови плавали?
Не ваши ли храбрые дружины
рыкают, словно туры,
ранены саблями калеными на поле неведомом?
Вступите властно в золотые стремяна за все беды сего времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

Осмомысл Ярослав, князь галицкий, яр!
Высоко сидишь ты на своем златокованом столе,
замкнул горы Угорские замком войск железных накрепко,
заступил королю дорогу, затворив к Дунаю ворота,
меча через тучи тяжести, суда направив в Дунаю.
Грозы твои по землям текут,
открываешь путь Киева гостям,
с отцова стола стреляешь султанов ты, бьешь иноземцев ты.
Стреляй нечестивого холопа Кончака победно,
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

А ты яр Роман, с тобой Мстислав, брат!
Смелая мысль разумом вашим движет.
Твой высок взлет, ты плывешь на подвиг в ярости,
словно сокол на ветрах взметнувшийся,
чтобы птицу закогтить, взъярившись.
А на вас надеты железные панцири, на вас — шлемы латинские.
Задрожала земля тогда и страны!
Куманы, литва, ятвяги, деремела и половцы сулицы свои уронили,
а головы низко склонили под теми мечами булатными.

О князь Игорь! свет померк уже солнечный,
деревья не ко благу сронили прочь листву.
Сулой и Россью города поделили,
а Игоревы храбрые войска не воскресить.
Князь, тебя Дон кличет и зовет князей на победу.
Потомки Олега, храбрецы, успели на битву.

Ингварь князь, с тобой Всеволод и все Мстиславичи,
славного гнезда, шестикрылы!
Не победными жребьями себе волости вырвали.
Золотые куда дели шлемы и сулицы польские и щиты?
Загородите Полю ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы, ярого Святославича.

Уже и Сула не течет, звеня серебром струй, в пределы Переяславля,
в город к грозным полочанам под клич нечестивых.
Один лишь Изяслав, сын Васильков, он
прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
превзошел славу деда своего Всеслава,
а сам под червонными щитами в крови на траве
мечами литовскими сражен.

<Некто, имярек>¹³ с любовницей на кровати сказал:
«Дружину твою, князь, придели птичьи крылья, знай,
а звери кровь ей полизали».
Там не было брата Брючислава, ни другого — Всеслава,
один ты¹⁴ уронил из тела, храбрый,
сквозь гривну золотую душу жемчужную.
Унылы голоса, поникло веселье и
тубы трубят городенские лишь.

Ярослава внуки все и Всеслава!
Да опустите вы стяги свои,
позора мечи свои вонзите;
ведь вы бежали славы дедовской прытко;
следом ведь сварами, смутами начали наводить нечестивых вы
на землю Русскую, на веси Всеслава;
поэтому и сталося насилие, Половецкого Поля зло.

По седьмому веку Траяна
бросил Всеслав жребий о девице ему любой.
крюкотворством подперся, конем стал¹⁵
и скоком в город Киев, где золотой стол Киевский
тронул жезлом княжеским,
прыгнул от них лютым зверем в полночи из Белгорода,
окутался синей мглою,
фарта урвал с три куска,
открыл Новгороду ворота,
разметал славу Ярослава,
прыгнул волком до Немиги, реку пил.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными
и жизнь на току кладут, вея душу из тела.
Немиги кровавые берега, нет, не благом засеяны,
засеяны костями русских сынов.
Всеслав князь суд людям творил и князьям рядил уделы,
а сам себе волком в ночь рыскал.
Из Киева петухов до — уже в Тмуторокани,
и перебегал он дорогу волком даже Хорсу.
Ему утром ранним звонили заутреню из Полоцка
Софии Святой все колокола,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и душа, что в ином теле, вещь,
часто горе он мыкал.
Ему вещий Боян еще прежде припевку сложил:
«Ни хитрый, ни премудрый, ни вспорхнувший птицей
суда божьего не минует».

О, стонать же Русской земле,
вспомнянувшей прежде что бывало и прежних князей!
Того давнего Владимира нельзя было бы распять на горах киевских;
его ведь стяги ныне стали Рюриковы, а иные Давыдовы:
бунчуки им рознь ныне пашут, копья рознь поют.

На Дунае Ярославны голос слышен,
зегзицею¹⁶ неведомой утром кычет¹⁷.
«Полечу,— кричит,— зегзицею по Дунаю вдаль,
омочу бобровый мех в Каяле реке,
оботру князю раны, скорбя, кровавые на теле изнуренном».
Ярославна рано плачет в Путивле, на стене стенаючи:
«О Ветер-ветрило!
Зачем, господин сильной силой веющий,
зачем ты меташь куманские стрелы
на своих быстролетнейших крыльях
в мной любимого дружину,
Мало, что ль, тебе властвовать в вершинах над тучами,
баюкая корабли на Синем море?
Зачем, господин, ты веселье, радость, счастье развеял ковылями?»
Ярославна рано плачет в Путивле городе, в нем на стене стенаючи:
«О Днепр, о Славутович!
Ты пробил землей Половецкой путь свой сквозь гряды гор каменных;
ты лелеял-качал на себе Святославовы лады в станы войск Кобяковых;
возврати, господин, мной любимого мне,
тогда б не слала к нему слез на море рано».
Ярославна рано плачет в Путивле на стене стенаючи:
«Светлое и трисветлое Солнце!
Всем тепло и красиво всем.
Зачем, господин, распростер горячие лучи на милого дружину,
жаждой им в безводной степи луки скукожил,
горечью им тулы запер?»»

В полночь море беснуется,
во мгле смерчи мечутся.
Князю Игорю бог путь указывает
из земли половчан в землю русичей
к золотому столу отца.

Ночь, погас свет вечерних зорей.
Игорь спит, Игорь бдит, Игорь и мыслью путь в степи мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коней позвал в ночи Овлур, свистнув за рекою,
и князю сигнал тем давши.
Князю Игорю не быть здесь!
Кликнул: гул по земле, и шумит трава,
и шатры половецкие позадвигались.
А Игорь князь скоро проскочил горностаем в тростники
и — белым гоголем на воду,
на коня он вскочил борзого
и спрыгнул с него быстрым волком,
и побежал к луке Донца,
и полетел соколом туманами,
побивая гусей и лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
Игорь только лишь соколом полетел,

как Овлур волком побежал,
с трав отряхая студеную росу:
утомили ведь они своих борзых коней.

Донец сказал князю Игорю:
«Немало славы у тебя, у Кончака бесславия,
а в Русской земле веселости!»
Игорь сказал Донцу так:
«Немало славы у тебя, качавшего князя на волнах,
выстилавшего свои берега в серебре травой зеленой,
одевавшего туманами теплыми под сенью зелени деревьев,
стерегшего лысухами на воде, чайками на вихрях, чернетями на ветрах.
Не такова ль,— сказал,— река Стугна
с течением злым, недобрым,
нажравшись чужих ручьев и речек, троясь у устья.
юного князя Ростислава закрыла на дне темным берегом.
Плачет мать князя Ростислава по юному князю Ростиславу.
Увяли цветы от жалости,
склонилось дерево к земле, опечалившись.
То не сороки затрещали:
По следу Игореву едут Гза с Кончаком.
Тогда вороны не каркали,
галки позамолкали,
сороки не стрекотали,
полозы заползали только лишь.
Постуком дятлы путь к реке правят,
веселым свистом, песнями свет соловьи предвещают.
Молвит Гза Кончаку, мол,
если сокол к гнезду летит,
соколенка расстреляем золочеными стрелами нашими.
Сказал Кончак, мол, Гза,
если сокол к гнезду летит,
соколка опутаем красавицей-девицей мы.
И сказал Гза Кончаку, мол,
если опутаем красавицей-девицей мы,
нам не видать ни соколенка, ни девицы-красавицы¹⁸,
и начнут даже птицы бить нас в Поле Половецком.

Уходя¹⁹ к Святославу, песнотворец
былых времен Ярослава, Олега, молвил
Боян любовнице кагана:
«Тяжело голове, что без тела, плохо телу, что без головы»,
Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небесах,
Игорь же князь — в Русской земле.
Девы поют на Дунае,
вьются их голоса над морем до Киева.
Игорь князь едет по Боричеву к святой Богордице Пирогощей.
Города и страны радостны.

Спевши песню былым князьям,
нужно нынешним петь песню.
Слава Игорю Святославичу,
яр-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Будут же здоровы князья с дружиной, бились что,
с нечестивыми во благо христиан!
Князьям слава и дружине!
Аминь...²⁰

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Смею думать, что мною сделан первый поэтический перевод «Слова о полку Игореве» (далее — «Слово...»). Не стихотворный (ритмический и/или рифмованный) пересказ, а именно поэтический перевод. Поэтический перевод и стихотворный перевод — не синонимы. Стихами можно перевести хоть бы и "Улисса". Поэтический перевод предполагает передачу другим языком ритма оригинала без существенного искажения смысла. Требование передачи ритма при переводе выдвигали великие переводчики — М. Зенкевич, В. Лозинский. К великим (пусть бы по аллитерации) отношу и В. Левика, и, хотя его суждения по этому поводу я не встречал, он следовал этому принципу.

Для перевода за основу взят текст первоиздателей «Слова...». Такая оговорка важна, поскольку существует множество, так называемых «реконструкций» древнерусского текста. К реконструкции текста следует относиться с осторожностью. Любая реконструкция чего бы то ни было, любое восстановление и даже реставрация — искажение подлинника, оригинала. Тем более реконструкция литературная. Если судить по количеству поправок, сделанных в «Слове...» редакторами «Библиотеки поэта (большая серия)», то приходится принять, что текст «Слова...» писали и переписывали крайне малограмотные люди. Это очевидно не так. Даже в современных изданиях, когда корректоры (если они есть) только деньги получают, опечаток куда как меньше, чем видят в «Слове...» искажений первоначального текста авторы реконструкций. К счастью, реконструкция литературного текста не уничтожает оригинал, если оригинал не уничтожен независимо от реконструкции.

При переводе избегал использования неканонических ударений (вольной расстановки ударений, допустимой в поэтическом тексте, чем, вероятно, пользовался автор «Слова...»), а также архаизмов или «высокого» стиля (брань, шелом и проч.). Не отказывался и от простого переписывания текста оригинала, заменяя ер (ь) и ерь (ь) подходящими гласными. Существенная вольность — ничем не аргументированное разбиение текста на строки и строфы (абзацы), что оправдано, в первую очередь, тактическими соображениями: законченностью (по моему мнению) строки или строфы.

Что же касается ритма «Слова...», то он и в переводе может быть услышан по-разному. В первую очередь это относится к фрагментам, в которых преобладает дольник. Правда, возможностей для такой вариативности оказывается куда меньше, чем при стихотворном переложении текста, когда о ритме оригинала и речи нет.

Во времена писания «Слова...» на Руси устоявшихся поэтических ритмов не было (равно как не было их до, ни много после). Во всяком случае, мы о таких ничего не

знаем. Поэтому изменять ударения или, например, выбрасывать/добавлять гласные ради ритма, подгонять звучание слов под ритм,— во всем этом необходимости у автора «Слова...» не было, а слова звучали, как звучали. Наоборот, ритм складывался, определялся, задавался подбором слов.

И еще одно, что учитывал при переводе: твердый и мягкий знаки (ер и ерь) тогда тоже читались (А. Фасмер. *Этимологический словарь*. Т. 4.), причем последний не только в середине слова, но очевидно, и в его конце, или, по крайней мере, предполагали цезуру, как, скажем, в именах собственных (Игорь), которую передавал слабым гласным.

Впрочем, любой мало-мальски грамотный филолог (равно как и, со своей стороны, историк), занимающийся соответствующими вопросами, при желании может в пух и прах разбить все мои построения. Только вот читатель, в основном, не филолог и не историк.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии касаются почти исключительно особенностей перевода, а не реалий, которые прокомментированы достаточно.

¹ — Ср. с аналогичным прочтением зачина Александром Пушкиным в его заметках о «Слове...».

² — Мысливь — некая животиная, которая пожирает мысей (мышей либо мышеподобных белок). Mustela (лат. — куница). Мыс — звериная мода. Отсюда — мысливец и промысел. В общем, как медведь, который остался медведем, в отличие от мысливи. То есть некто, владеющий срединной областью надземного мира (орел — верх, небо; волк — низ, земля), и, к тому же, хищник, как волк и орел.

³ — Вот она, лебединая песня (первое (?) употребление идиомы).

⁴ — Здесь и далее Поле Половецкое (или Поле в контексте) — название государственного образования половцев; потому (в отличие от поля битвы, поля брани) с большой литеры.

⁵ — Не ясно, кто чей внук и кто песню спел бы.

⁶ — Тулы — сумки для хранения стрел, дротиков и любого метательного оружия, например, легких копий — сулиц. Колчан (что общепринято) — предназначен только для хранения стрел. Потому «тулы» не переводится, а остается тулами.

⁷ — Читаем: «скипетер».

⁸ — Синее (Азовское нынче) море, имя собственное.

⁹ — Белка — монета, скорей всего.

¹⁰ — Обычай хоронить на санях восходит, очевидно, к доколесному времени.

¹¹ — Думается, что ратного (празднства).

¹² — Очевидно, корабельный огонь (греческий огонь) был использован на суше с привлечением специалистов — удалых сынов Глебовых, которые только и могли с ним на суше управляться.

¹³ — Перевожу по редакции первых издателей: «и с хоті ю на кровать». Князь, имя которого не названо, бежал с битвы или не пришел на нее (первое более вероятно), забрался в кровать с любовницей (с хОтей, желанной А. Фасмер) и оттуда произнес следующую затем явно издевательскую фразу, адресуясь к Изяславу. Иначе вовсе не ясно, кто и кому эту фразу говорит. Если, как перевели, ее произносит сам Изяслав, то обращается он к самому себе. Конечно, в предсмертном бреде чего только не скажешь. Но, судя по теплоте отношению к Изяславу автора «Слова...», он, автор, вряд ли надумал бы вкладывать в уста его, Изяслава, откровенный бред. Имя же сказавшего князя позднее удалено из текста по цензурным соображениям. Не слу-

чайно, в екатерининской копии это место испорчено. Кто именно этот князь, пусть выясняют историки. Но не исключено, что Всеволод — тоже брат Изяслава, которого в отличие от Всеслава и Брячислава, автор «Слова...» далее избегает упоминать.

¹⁴ — Возвращение к Изяславу.

¹⁵ — Обернулся конем, в коня превратился.

¹⁶ — Зегзица — птица неведомая самому автору «Слова». Зегзица — может быть, эвфемизм, птица, называть которую по имени нежелательно (ср. с медведем, но в отличие от него, не прижившаяся названием). Чайку, например, называть чайкой опасно, потому как чайка — душа, улетевшая чайка — улетевшая душа. О тоскующей кукушке (традиционный образ мировой народной поэзии) много сведений у Афансьева (Поэтические воззрения славян на природу, т. 3).

Хитрее всех в этом отношении оказался Тарас Шевченко. В его переложении плача Ярославны, она плачет (кукует) как кукушка, а летит чайкой (зегзицей). Приводим соответствующее место из «Плача Ярославны»:

*В Путивлі-граді вранці-рано
Співає, плаче Ярослава,
Як та зозуленька кує,
Словами жалю додає.*

*Полечу, кажє, зегзицею,
Тією чайкою-вдовицею...*

¹⁷ — Потому и кычет, что не кукушка и не чайка, а зегзица.

¹⁸ — Не могу удержаться, чтобы не процитировать Виктора Соснору. Из цикла «По мотивам «Слова о полку Игореве»:

*...И сказал Кончаку Гза:
«Ты держи начеку
глаза
Бабу соколу
не подсовывай,
Половчанки к русичам слабы,
Убежит половчанка
с соколом
И не будет
Ни князя,
Ни бабы».*

¹⁹ — При соответствующем прочтении можно обойтись (что обычно делают комментаторы) без привлечения некоего Ходыны (соратника и сопесенника Бояна). Смысл фразы примерно такой: уходя (служить) к Святославу, Боян ... сказал любовнице (хоте) князя (кагана), у которого служил (или жил). А сказал по сути вот что: «Дура ты, дура».

²⁰ — Прочтение мягкого знака в слове «аминь» заменяем многоточием, и читать следует примерно так: амин-нь.

Елена Соколова
(г. Тула)

О ЕВАНГЕЛЬСКИХ КАРТИНАХ ПОЛЕНОВА

Елена Вячеславовна Соколова, родилась в Туле в 1976 году. Окончила художественную школу и 41-ю среднюю школу с серебряной медалью. С 1993 по 1996 обучалась на факультете русской филологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого, окончила факультет психологии, сдала экзамены кандидатского минимума. В 1999 дипломант городского конкурса молодых поэтов, имеет положительные отзывы поэта Григория Вихрова, в 2012 участница Толстовских чтений в Ясной Поляне. Занимается книжной графикой, редактирует материалы сайта Тульской детской художественной школы им. В. Д. Поленова, автор ряда электронных публикаций. В марте 2013 года подготовила к печати собрание своих стихов с собственными иллюстрациями.

Когда фарисеи потребовали от Христа запретить ученикам велегласно славить Его как Царя, «грядущего во имя Господне», Он ответил: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лука 19: 40).

Словно изнутри светящиеся, белые стены и скалы на картинах Василия Поленова — это и есть евангельские камни, поющие Осанну Спасителю.

Александр Бенуа, говоривший о пейзажах Поленова, что «никто до него не передавал такой легкости в тенях, прозрачности красок и воздушности перспективы», при этом со свойственной ему безапелляционностью называл обширную библейскую серию мастера «легковесными иллюстрациями Евангелия».

Но задача художника, взявшего на себя миссию сопровождения Книги Книг зримыми образами, исполнена православного смирения. «Се, Царь твой грядет к тебе кроткий» (Матфей 21: 5) — Христос Василия Поленова поистине «не для того пришел, чтобы Ему служили (как Христос Исаака Аскназия, 1879), — но чтоб послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матфей 20: 28).

В восьмидесятые годы прошлого века отечественными лингвистами было проведено исследование частотности употребления фонем русской речи. Священный трепет обьял ученых, когда выстроенный порядок звуков образовал значимый корень прост-, со всей полнотой передающий характер русской ментальности.

Именно евангельской простотой и ясностью проникнуты композиции Василия Дмитриевича Поленова, при взгляде на них вспоминаются самые трепетные библейские слова о Христе: «Се, отрок Мой, которого Я избрал, возлюбленный Мой, которому благоволит душа Моя. Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит. — И на имя Его будут уповать народы» (Исаия 42: 1—4).

Православное смирение и внутренняя скромность не позволяют художнику со-

средоточить преимущественное внимание на произвольно выбранных сюжетах Евангелия. Он стремится восславить каждый шаг Спасителя на земле.

Объем этой задачи настолько широк, что требует определенной условности исполнения. Естественно, что крупноформатное живописное полотно Генриха Семирадского «Христос у Марфы и Марии» технически более совершенно, чем графичный этюд В. Д. Поленова «У Марии и Марфы».

С точки зрения герменевтики, всякий связный знаковый комплекс представляет собой текст, что бы ни служило в нем средством выражения — слова, линии или цвет. Так, рассматривая полотна Нестерова, Бенуа называет его художником, «сказавшим немало дивных и вдохновенных слов», подобных просветленным словам Достоевского.

Отрешась от всякого тщеславия и жертвуя внешней эффектностью ради величия внутреннего замысла, В. Д. Поленов создает живописный текст, ничем не затмевающий и не затеняющий собой Книгу Книг.

Пространство в композициях Поленова необыкновенно приближено к зрителю: чтобы ощутить себя присутствующим в этом пространстве, достаточно одного взгляда на такие работы, как «Остались в покое», «За кого Меня почитают люди?», «Иосиф ночью взял Младенца и Мать», «Повели на казнь».

В. Д. Поленов не только достоверный этнограф, точно воспроизводящий палестинские ландшафты, — в его картинах нетрудно узнать и согретые евангельским светом окрестности Оки («Решили идти», «На горе», «Удалился в пустынное место»).

Спокойная, твердая ясность черт Иисуса, вдумчивые любящие взгляды учеников резко контрастируют с напыщенными, злыми и мрачными лицами фарисеев. При их изображении меняется даже знаменитая поленовская текстура письма: оно теряет прозрачность и становится более жестким и плотным.

Художник делает осязаемым столкновение двух вероисповеданий — иудаизма и христианства, — первое из которых ориентировано на зримое земное благоденствие — и второе на полет духа.

«Ищите же прежде Царства Божия и правды его — и это все приложится вам» (Матфей 6: 33), — звучит обетование нашего единственного Учителя (Матфей 23: 8), которое так важно расслышать во времена кризиса художественной культуры нового тысячелетия, — и картины Василия Дмитриевича Поленова доносят его до нас чистым и внятными.

Кирилл Усанин
(г. Москва)

ПРАВДА ЖИЗНИ

Рецензия

на книгу Николая Макарова

«Записки батальонного врача».

Вице-губернатор Тульской области вручает Николаю Макарову диплом лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Член Союза писателей России, академик Академии российской литературы, постоянный автор «Приокских зорь»

Зайдите в любой книжный магазин и на переполненных стеллажах найдете десятки воспоминаний. Большинство из них принадлежат перу бывших актеров, эстрадных певцов, несостоявшихся литераторов, политических деятелей и прочих-прочих. И все такие воспоминания, как правило, заполнены всякого рода тусклыми, бледными впечатлениями пусть и бурной, но личностной, мелкотравчатой жизни, где в центре событий — бесконечные интриги, сплетни и прочие «красивости». Такие воспоминания низкопробны, далеки от настоящей жизни, и не могут представлять широкого читательского интереса.

И редко, очень редко встретишь среди таких воспоминаний истинные, честные, правдивые книги. А чаще всего даже и не встретишь, так как такие книги издаются малым, «семейным» тиражом, чаще всего за свой счет.

Ко мне совсем случайно попала книга воспоминаний Николая Макарова, озаглавленная просто, буднично — «Записки батальонного врача». Не скрою, я открыл эту книгу с предостережением, но уже с первых же страниц увлекся, и как верно подметил в предисловии главный редактор журнала «Приокские зори» Алексей Яшин, прочитал «на одном дыхании».

Начинается книга воспоминаний, как и положено, с истоков: когда родился, в каком краю, кто твои родители. И мы узнаем, что родился Николай в трудные послевоенные годы, родина его — Тамбовская область, город Мичуринск, отец — участник Великой Отечественной войны, инвалид, учитель, мать — тоже учительница, оба всю сознательную жизнь проработали в Ново-Торбеевской средней школе. Это — общий штришок к биографии родителей.

А если взять самую жизнь, то она была и трагической, и счастливой. Особенно у отца. Восемнадцати лет ушел на войну, был фронтовым разведчиком, но воевал только два месяца. Был тяжело ранен, случай — но (уж не мистика ли это?) обнаружен проходившими мимо бойцами, попал в госпиталь, там ему ампутировали обе ноги, долго лечился, но не сдался — «заново учился ходить, отстаивая свое человеческое право на полноценную жизнь». И там, в тыловых госпиталях, стал писать стихи, посылал их в журналы, и однажды его творчество похвалил сам Самуил Маршак, который в письме написал: «Будут новые стихи, пришлите мне».

Правда, отец Николая не стал поэтом, зато стал настоящим учителем, как бы памятуя строки Николая Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином

быть обязан». И он стал настоящим гражданином, подлинным воспитателем молодого поколения,— вместе с женой уехал учительствовать в сельскую глубинку, его не зря называли «Мичуринским Маресьевым».

Честно, правдиво, искренне поведал Николай Макаров в главе «Истоки» о своих героических родителях. И потому он не смог не стать и сам таким же гражданином, патриотом своей Родины. И о своей жизни, о школьных товарищах, о товарищах по учебе в институте и о друзьях по службе в воздушно-десантных войсках, о своей профессии военного врача рассказал просто, доверчиво, с любовью и уважением к тем людям, что встречались ему на его жизненном пути.

На этом долгом пути случались не раз такие события, которые приемлемо называть мистическими. И эти мистические случаи были весьма драматическими, но заканчивались вполне счастливо.

Родился Николай в тифозном бараке. И мать, и он выжили. А через три года мальчик умирал от дифтерии, и мать каждый день ждала страшного приговора врача: «До утра не доживет». А он — выжил. В восьмилетнем возрасте он тонул, но случайно (вспомните, как тоже случайно наткнулись на умирающего отца проходившие мимо бойцы) был спасен. А позже, окончив институт, стал военным врачом, и это в то время, когда штамп стоял в паспорте: «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное время». И более тридцати лет прослужил Николай Макаров врачом в воздушно-десантных войсках. Вот таким мистическим образом складывалась жизнь.

А то, что он стал писать, — сначала очерки, а потом и рассказы, то мистики тут никакой нет. Сказались гены отца. Всю жизнь отец писал стихи, а сын стал журналистом, правда, нештатным. Ведь его судьба за время долгой службы в армии была насыщена интересными, примечательными событиями, и о этих событиях, а скорее всего о встречах с людьми хотелось ему рассказать. Вот хотя бы одна из них. Памятная встреча с гвардии майором Нестеровым Виктором Васильевичем, первым комбатом, который учил молодого врача не только военным наукам, но и жизни, так, что на всю жизнь запомнились начинающему врачу простые, но с глубоким человеческим смыслом слова комбата: «Мне люди важнее всякой железяки».

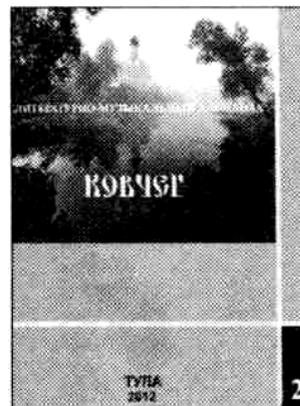
Очерки Николая Макарова печатались в популярном тогда журнале «Советский воин», а позже — в областной газете «Молодой коммунар». После того он побывал на армейском семинаре в Юрмале, обратился к жанру рассказа. Первый рассказ был напечатан в литературном приложении газеты «Молодой коммунар» — «Ясная Поляна». Стал готовить книжку рассказов в Тульском издательстве, но издательство рухнуло, как и рухнула сама страна под названием «СССР».

Нет, не сдался Николай, все же выпустил книжку малым тиражом и «частным порядком», весь тираж был сдан в «Союзпечать», где вскоре и был распродан. И по сей день он не сдаётся, продолжает писать, в течении пяти лет главы из книги воспоминаний печатались в журнале «Приокские зори», и вот итог — есть книга воспоминаний «Записки батальонного врача». К сожалению, все тем частным порядком и малым, «семейным» тиражом. Но почему-то верится, хочется верить, что в жизни уже сложившегося писателя случится все тот же мистический, а значит, счастливый поворот, и настоящая книга, с дополнениями и с необходимой редакторской правкой, будет обязательно в скором времени переиздана.

Алексей Корнеев
(г. Чехов)

**ПЛЫВИ, «КОВЧЕГ»,
И НЕ СБИВАЙСЯ С КУРСА!**

К сожалению, первый выпуск новорожденного в Туле альманаха с привлекательным названием «Ковчег» увидеть не пришлось, но вот в моих руках этот «младенец» под номером 2. Издание оформлено, я бы сказал, культурно, «интеллектуально», на бумаге добротного качества, с четкими фотографиями авторов на внутренних сторонах обложки. Это члены Союза писателей России и Союза российских писателей (бессмысленную разницу тут понимайте как хотите), а также литераторов непрофессиональных, начинающих, в том числе студенческого и школьного возраста.

Как я понял, альманах является приложением к журналу «Приокские зори», и посвящен «Православию в наших душах», потому, видно, и открывается вступительной статьей ученого, богослова и литературоведа М. М. Дунаева, в которой рассматриваются роль и значение Православия в русской литературе XVII—XX веков. Оттуда, по словам автора, идет «признание совести мерилom всех жизненных ценностей». Статья задает тон содержанию альманаха, подтверждение чему читатель найдет в произведениях авторов. Ну, к примеру, у патриарха русской поэзии Виктора Пахомова. В подборке его стихотворений — героизм и стойкость туляков, отстоявших родной город от нашествия гитлеровских полчищ, сочувствие людским страданиям, будь то девочка, плачущая по любимому («Как поют песни»), или старуха, оставшаяся без дров для обогрева избы («Родное»).

Я уж не говорю о таких его стихах, как «Сергий» (тот самый святой, который благословил Дмитрия Донского на битву с татарской ордой), как стихи «Старый храм на продрогшем угоре...», « Приди!», « Кому-то эти вот поля...».

Сердечным сочувствием ветерану, дожившему до глубоких преклонных годов, наполнено одноименное стихотворение М. Дубинского; а в стихах В. Савостьянова — боль за милую сердцу природу, будь то дерево или травинка, за малую родину и большую с ее непарадной красотой. Представленной ну хотя бы полем, ивушкай у ручья...

*И за что же так
безоглядно
Я горжусь тобой, Русь моя?..*

И словно вторит ему В. Алтунин в стихотворении «Малая родина»:

*Ну и что ж, что
красот тут немного.
Отупев в суете городской,
Умолял об одном
я лишь Бога:*

*Что привел меня
в этот покой.
В эту тихую,
бедную местность,
К этим скудным,
забытым полям...*

Отзвуками на перипетии нынешней жизни исполнены стихи О. Пантюхина («Русская деревня — боль души России»), О. Бугримовой («Что мы видим?..») и др.

В разделе «Проза» публикуются рассказы А. Яшина, Г. Маркина и других авторов, так же, как и поэты, затрагивающих нравственные и бытовые стороны жизни людей, разных по возрасту, профессиям и социальному положению.

Они дополняют раздел поэзии с его зримой попыткой признания совести мериллом жизненных ценностей...

В альманахе представлено несколько произведений для детей, а также публицистика Л. Алтуниной, раздел литературоведения и критики, в котором, в связи с юбилеями В. Пахомова, Е. Ростопчиной (Сушковой), В. Ходулина, Э. Георгиевского, рассматривается их творчество.

Завершается альманах публикацией двух песен — З. Пыряевой и В. Пашутина на стихи Я. Шафрана.

Тираж «Ковчег» более чем скромн. Его едва хватит лишь для самих авторов, для десятка городских и районных библиотек. Но таково сегодня общее положение в литературно-издательском деле — нехватка или отсутствие его финансирования.

Тем не менее творческий «вулкан» прорывается сквозь все препоны, и свидетельство тому — рождение «Ковчег».

Верного ему курса в обширном и беспокойном море российской литературы

Николай Струна
(г. Тула)

СТИХОВ
НЕОБОРИМЫЙ СВЕТ
(Палитра современной тульской поэзии)

Обзор Тульской поэзии невозможен без анализа творчества наиболее ярких ее представителей. В ряд таких замечательных поэтов прошлого века, как Николай Браун (1902—1975), Василий Галкин (1911—1982), Степан Поздняков (1913—1996), Евгений Вдовенко (1926—2003), Николай Дружинин (1924—2005), Владимир Большаков (1924—2001), Борис Голованов (1938—2011), сейчас можно уверенно поставить ныне здравствующих поэтов, таких как Виктор Пахомов, Валерий Ходулин, Валерий Савостьянов, Сергей Галкин, Владимир Родионов, Валентин Киреев, Валентин Пудовеев, Александр Новгородский.

В своем творчестве по существу каждый тульский поэт (а может, и не только тульский) вольно или невольно сравнивает себя с правофланговыми, равняется на них. И, в первую очередь, к таким правофланговым относится *Виктор Пахомов*.

Особое место у В. Пахомова занимает военная тематика. Читая его военные стихи, представляешь, что сам являешься непосредственным участником тех зловещих событий. Как художник слова, поэт отмечает не только хронологию событий, он умеет увидеть духовную сущность русских людей, проявивших в годы лихолетья свои лучшие черты — самоотверженность, героизм, сострадание. Вспомним, хотя бы его некоторые стихотворения из сборника «Что на роду написано»:

* * *

*Нас выгнали немцы из дома
На снег, на мороз из тепла.
Овинов ржаная солома
Тогда нас, бездомных, спасла.
Когда же однажды под вечер,
Заслышав возмездья грома,
Бежала фашистская нечисть,
Сжигая в округе дома,
Вернулись мы, жалки и нищи,
Продравшись тайком
сквозь кусты.
И страждущий дым пепелица
Забил нам кричащие рты.
Мяукала кошка знакомо,
Качался обугленный вяз.
Вот все, что осталось от дома,
От детства осталось у нас.*

* * *

*У нас у всех с войною счеты.
Шел сорок первый горький год...
В разгар уборочной работы
Кружил над нами самолет.
Мы, падая в изнеможенье,
Кричали «мама!» каждый раз.
И мама от крылатой тени
Собою закрывала нас.
Он не стрелял, он развлекался —
Патроны, видимо, берег.
Но вдруг из облаков прорвался
Наш краснозвездный «ястребок».
Как мама плакала от счастья,
Сестренку и меня обняв,
Когда, рассыпавшись на части,
Стервятник вспыхнул среди трав.
Мы, подбежав, глядели немо,
И ноги налились свинцом:
Из-под разорванного шлема
Белело женское лицо.
Открытый рот, вставные зубы
И струйка пота — не слеза,
И ярко крашенные губы,
И подведенные глаза.
Испуганно шептались травы
В тени разбитого крыла...
Не верилось, чтоб эта фрау
Кому-то матерью была.*

По праву занимает достойное место среди певцов земли тульской *Валерий Ходулин*. Всем своим существом он впитал традиции и славу города оружейников, самоварщиков, потомков и наследников легендарного Левши, поэтому его стихи прославляют наших тульских мастеров.

*У мастеров — не просто мастерство.
Для них работа — счастья торжество.
И к счастью в продолжение веков
они ведут своих учеников.*

Начиная с первых сборников стихов, вышедших в шестидесятые годы минувшего века («Гравюра», «Веснушки», «Рыжая метель») постоянной темой стихотворений В. Ходулина были труд и мастерство тульских умельцев.

В поэзии Валерия Ходулина значительное место занимает жизнеописание замечательных личностей, оставивших неизгладимый след в истории Тулы. Сильное впечатление оставляет стихотворение «Памятник», посвященный Петру I:

*Он летит на холеном коне у Невы.
Он идет по Кронштадту
В заморском камзоле,*

*Но такого, как в Туле,
Не встретите вы,
Чтоб с кувалдою царь,
Чтобы руки в мозолях,
Чтобы волос,
Густой, как в июне трава,
Падал чуть не до плеч
Водопадом волнистым,
Чтобы выше локтей
У царя рукава,
Чтобы фартук прожгли
Раскаленные искры...*

(Валерий Ходулин «Памятник»)

В более поздних своих стихах с исторической достоверностью В. Ходулин писал о наладчике и кузнеце Иванове, зодчем Федосееве, «владельце поля Куликова» Степане Нечаеве, «финансисте, чиновнике, просветителе» Николае Ждановском.

А когда-то:

*Рачительные, крепкие хозяева,
Способные на добрые дела,
Блистали в Туле братья Ермолаевы,
Их память до сих пор не умерла.*

Среди поэтов, посвятивших свое творчество патриотизму, и, в особенности, военной теме, следует также отметить *Валерия Савостьянова*. В его стихах поражает подробная проработка сюжетной линии, обнаружение неожиданных связей между различными временами и событиями. Например, неизгладимое впечатление оставляет стихотворение «Край рощи перекопан...»:

* * *

*Край рощи перекопан,
Взглянул и вздрогнул аж:
Заросшие окопы,
Заваленный блиндаж.
Давно прогнили бревна,
Давно пустует дзот,
Но ощущение, словно
Война еще идет...
В огне не ищут броду —
И показалось вдруг,
Что поднимает роту
В атаку политрук.
И я, хоть нет патронов, —
Винтовка — со штыком, —
Бегу, бегу по склону
Вслед за политруком.
Не яблоки — осколки,
И пули свищут, но
Прочнее гимнастерки*

*Брони нам не дано.
И там, где гарь пожарищ,
Где мертвые тела,
В живот меня ужалит
Железная пчела.
Винтовка скользкой станет
И выпадет из рук,
Зато штыком достанет
Фашиста политрук...
...Земля, земля, земля —
Березовый озон.
Просвечивают лица
Родной нечернозем.*

Ощущения, впечатления настолько сильно переполняют автора, что он мысленно переносится в другую эпоху — эпоху военных лет, где он всеми органами своих чувств воспринимает те далекие события.

В. Савостьянов хорошо ориентируется в современном литературном мире. Вот почему у него так много стихов с посвящениями как живущим, так и ушедшим из жизни писателям. Вообще, следует признать, что по части общения с нетульскими литераторами В. Савостьянов превзошел, пожалуй, многих своих земляков-поэтов.

Среди поэтов особое место занимает *Сергей Галкин*. У него богатый опыт как редакционной, так и писательской деятельности. За плечами работа в редакциях разных газет, литературные выступления по городам страны, встречи с разными людьми, поездка на строительство Байкало-Амурской магистрали. В его ранней поэзии много лирики, эдакого мальчишеского ухарства. В более поздних стихах значительное место занимает осмысление окружающей действительности.

Сергей Галкин — думающий поэт. Мне кажется, что каждое его стихотворение это плод долгих раздумий о судьбах поколений, о новых веяниях в развитии общества, порою безнравственных и даже жестоких:

* * *

*...Как странно вертится Земля —
Терпима ко всему:
К убийству,
к песне соловья,
К улыбке и вину.
Росинку пьет,
но пьет и кровь,
В цветах и пепле вся.
Я сладко спал,
а где-то кров
Обрушился, горя.
Кого-то он прикрыл собой
Надежней тяжких плит.
Не думал я,
что чья-то боль
Мне сердце прищемит,
Что чей-то крик
пройдет по мне*

*С макушки и до пят.
И нет огня,
а я в огне
И чем-то виноват.
Я виноват перед Землей,
Что так грешна Земля,
Что все смешалось в ней —
и боль,
И песня соловья.*

Сложную обстановку в окружающей действительности, свои личные переживания, связанные с этим, угрюмое душевное состояние С. Галкин сравнивает с «сырой непроходящей ночью», где он пытается найти «звезды необоримый свет»:

* * *

*Ночь переплыть...
Кидаюсь в омут сна.
И сразу тьма.
И водоросли бреда
Сознание опутать норовят,
И давят грудь,
И щупальцами душат,
Как будто поджидали, затаясь.
Набросились со всех сторон,
Как только
Я окунулся в темень с головой.
Как переплыть?
Где нежный берег утра
С реальностью знакомых голосов,
Улыбок человеческих и смеха.
Плыву к нему,
и страшно — не доплыть.*

* * *

*Ищу звезды необоримый свет
Во мгле сырой непроходящей ночи.
Ни зги не видно.
И угрюмый кочет
Не прокричал желаемый рассвет...
И зябко все!
Над речкою ветла.
Последние листы с нее кружатся,
Текут во мглу.
И в поисках тепла
Так хочется к родной душе прижаться.*

(Из сборника «Ночь переплыть»)

Поиск необоримого света звезды — это поиск надежды на лучшее, на то, что снова наступит утро и откроются горизонты светлой и чистой поэзии.

Своеобразный, совсем неординарный поэт *Александр Новгородский*. Его стихи

как бы преломляются через призму мироощущения, философского осмысления окружающей реальности. Следует также отметить, что многие стихи А. Новгородского напоминают былинные песни, которые раньше исполняли барды. Именно поэтому сам автор исполняет их нараспев, подбирая к каждому тексту какую-либо незатейливую мелодию. Например, хорошо сочетаются с мелодией такие строки:

*Все поляны в кукушкиных слезках,
Что ей разлюбезный не пророчь
В поле одинокая березка
Бесприютна день и ночь,
Бесприютна день и ночь.
У старушки ветер в кружке,
Очи — ночь средь бела дня,
Потому что, потому что
Бабку кинула родня,
Бабку кинула родня.
Ох, неужто, да неужто
В речках вспять пошла вода?
Потому что, потому что
Без руля в морях суда,
Без руля в морях суда.
Ох, неужто, да неужто
Черту в омуте труба?
Потому что, потому что
Бурей сломлена верба,
Бурей сломлена верба.*

(Александр Новгородский «Потому что»)

Поэт из г. Узловой Владимир Родионов пишет просто, ненавязчиво. Его стихи проникнуты глубокой любовью к родному краю, к малой родине. Нельзя без щемящей грусти читать такие его строки:

* * *

*Радости в жизни немного.
Надо суметь воспринять,
Словно подарок, дорогу
К дому, где ждет тебя мать.
Ей недосуг до окошка —
Хлопотно в доме своем.
На подоконнике кошка,
Греясь, следит за дождем.
Бьет по стеклу что есть духу,
Страсти ловцу не унять:
Каплю — ползучую муху —
Хочется лапкой прижать.
Мокнут покровы, и плоть их,
Просинь приспело излить,
Верой исполнен, как подвиг,
Клин — журавлиная нить.
Не изучав геометрий,*

*Жизнью паденье познав,
Крылья устало над ветром
Режут границы держав.
Им ли, желанным, приснится
Радость людская по ним
В бабке с больной поясницей,
Занятой делом земным!*

Нисколько не сомневаюсь, что большинство стихов В. Родионова идут от сердца. В краю, где «хлеб с водою — святы» и на самом деле душа поет:

*Тревожусь в огородине,
Топчусь лесной болотиной,
Не думая о Родине —
Я переполнен Родиной.
Здесь мне грехи отпущены,
И все заклятья сняты.
Здесь правит духом — сущее,
А хлеб с водою — святы...
(Владимир Родионов «Душа поет»)*

Валентин Киреев, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, возглавляет Новомосковское литературное объединение. Это объединение является одним из самых многочисленных и плодотворных в Тульском крае, что можно отнести к заслугам В. Киреева. Межобластной литературно-музыкальный альманах «НЛО» представляет собой одно из самых солидных неперидических изданий в нашей области. В 2010 году ежегодник «НЛО» отметил свой десятилетний юбилей.

Несомненны творческие достижения поэта В. Киреева. Он — поэт-песенник, многие стихи которого переложены на музыку. Очень свежо, непринужденно звучат его лирические стихи о любви, о природе. Тема «лирика заключенного», я думаю, тоже сейчас актуальна и то, что эта тема заинтересовала В. Киреева, характеризует широкий диапазон его поэтического дара:

*Вновь между нами завывает вьюга —
Закона равнодушное табу,
А мы с тобой не можем друг без друга
И не умеем изменить судьбу.
Здесь, у меня, нет даже телефона
И голос твой я слышу лишь во сне,
И с каждым утром убивает зона
Все чистое и светлое во мне.
И я шагаю в кирзачах по кругу,
За годом год — поверка да развод,
А мы с тобой не можем друг без друга
Который год уже, который год.
Пишу письмо,
и горечь в каждом слове,
Да жаркой кровью
нежность между строк,
Но ты не плачь, ты береги здоровье —
Когда-нибудь окончится мой срок.*

*Ворвусь к тебе, измученный и шалый,
И сброшу ненавистное тряпье,
И припаду к твоим ногам устало,
Единственное солнышко мое.
Пусть будет выть и бесноваться вьюга,
Пусть снег влетит за мной
в дверной проем,
Я выдохну, — я вырвался из круга,
Я верил — мы до встречи доживем.*
(Валентин Киреев «Доживем»)

И все-таки большинство стихотворений В. Киреева посвящены малой Родине, своим заветным местам, с которыми связано детство.

*Такой мне запомнилась родина:
Сиреневый куст у плетня,
В бидончике горкой смородина,
На лавке у дома родня.
И пес, головою лобастою
В колени уткнувшийся мне,
И стол с деревенскими яствами,
И снимков рядок на стене...
(Валентин Киреев «Родина»)*

Приведу еще стихотворение, которое поражает своей теплотой, своей искренней, чистой любовью:

*Снег на ресницах,
на пушистой шапочке,
Снегурочка, я даже петь готов,
Согрею я твои ладошки-лапочки,
Озябшие от зимних холодов.
Ты в этот зимний парк пришла
с подарками,
Своей неповторимостью маня,
Сияешь ты любви глазами яркими
И счастлив я, что это для меня.
И пусть в аллеях снег лежит сугробами,
Твое я сердце лаской растоплю,
И будем тем согреты жаром оба мы,
С которым я восторженно люблю.
Я вовсе не хочу, чтоб ты растаяла,
Исчезла легкой дымкой в вышине,
Хочу, чтоб жизнь все
по местам расставила,
И ты навек принадлежала мне.
(Валентин Киреев «Снегурочка»)*

Следует отметить, что патриотизм в поэзии многих наших земляков — это не дань моде, не заигрывание в переживания читателей. Это действительно искренняя позиция авторов, выстраданная всем укладом их жизненного пути. Патриотизм находит свое

274

отражение в различных ипостасях их творчества: здесь и военно-патриотическая тема, и лирика, и ностальгия по советскому прошлому, и песенный жанр.

В 2008 году вышел в свет сборник «Наши современники (Антология тульских поэтов)». В этой книге нашло свое отражение творчество наиболее ярких тульских поэтов. Авторы «Антологии» поместили в нее наиболее сильные свои произведения, и по ним можно судить об уровне поэзии членов писательских союзов. Тульская поэзия, представленная в «Антологии», хотя и разнообразна по тематике, но обладает определенной целостностью. Это здоровый патриотический стержень, пронизывающий все стихотворения. Представлю выдержки из некоторых из них, этакий «экспрессобзор», который передает общее впечатление о представленной в «Антологии» поэзии:

*Увял цветок
на закате лета
И вот устало
прильнул к окну,
В немом вопросе
ища ответа,
В немом ответе
ища вину.
А я в защиту и оправданье
Веду нелепый
ненужный спор.
Увял цветок,
и его молчанье —
Красноречивый немой укор.
(Александр Вишневецкий)*

*Встану поздней порой
Средь грозы и удачи,
Посмотрю просто так
В неба пасмурный свод...
По усопшим родителям
Сердце заплачет,
И к безмолвной земле
Голова припадет.
(Александр Земцов «Радуница»)*

*Вот и август — и крутится мошка,
И над гнилью тундровых болот
Золотыми огнями морошка
Над травой и мхами встает.
Под ногами качаются кочки,
Каждой кочке поклоны дарю,
И трехперстно беру огонечки,
Будто крестное знамя творю.
Сколько ягод-то, ягод-то сколько —
Запоздалый созрел урожай.
Отражает зеркальным осколком
Озерцо этот нежный пожар
(Александр Меситов «Морошка»)*

* * *

*Русые зори
И синие грозы,
Русские,
Вросшие в сердце березы,
Крик перепелки
И трель соловья —
Родина, родина —
Радость моя!*

* * *

*Смотрю опять в твое лицо, Россия, —
За далью даль — просторы не объять!
Чтоб все создать, сберечь места святы,
Каких сынов ты призвана рожать!*

*Века за нами, песни и свобода, —
Ничто с тобою не сравнится, Русь!
Перед величием русского народа
Я — русский молча плачу и молюсь...
Я зоревал
У костров с косарями,
Шире шагал
Под шальными дождями.
К белому телу
Прижавши висок,
Пил я
Веселый березовый сок...
И не заметил,
Как в солнечной сини
Кровью и сердцем
Прирос я к России.
Сердце мое,
Словно розовый плод,
Силу и свет
У России берет!
(Владимир Сапронов)*

*Увалы, излоги — степная дорога.
Короткие ночи темны.
А кони несутся, как черные птицы,
И топот погони вдали.
Степная дорога — холмы и овраги.
Готовят арканы враги.
И кровь закипает, в себя принимая,
Весь жар раскаленной земли.
А кони в полете, удила все в пене,
Размокли от пота ремни.
Давай развернемся.*

*Пусть будет, что будет!
Напоим их кровью мечи.*

(Евгений Трещев «Степная дорога»)

*Утро. Лесополоса.
Соловьи не спят...
Окати меня, роса,
С головы до пят.
Я к березке подойду,
К ней щекой прильну,
Майский воздух на меду
С жадностью вдохну.
И пойду я, как хмельной,
К дому не спеша.
И о прелести земной
Запоет душа!*

(Иван Прасолов. «Наедине с весной»)

*Горячий кадмий!
И краплак,
и стронций!
Какой могучий,
яростный закат!
А посредине
польхает
солнце!
И брызги солнца
мир вокруг кропят.
И кажется,
над дымной пеленою,
над лентами
размеренных дорог,
над полусонной
будничной землею
еще один
художник
сердце сжег!*

(Ирина Гаврилова)

*То ли блещут зарницы
Там, где черная мгла,
То ли это жар-птицы
Расправляют крыла?
Ярко вспыхнув, сиянье
Потухает вдали,
За чертою слиянья
Неба с краем земли.
Так, по воле природы,
Что-то давнее, друг,*

*Сквозь минувшие годы
Память высветит вдруг.*

(Михаил Крышко «Зарницы»)

*Смотрю опять в твое лицо, Россия,—
За далью даль — просторы не объять!
Чтоб все создать, сберечь места святые,
Каких сынов ты призвана рожать!
Века за нами, песни и свобода,—
Ничто с тобою не сравнится, Русь!
Перед величием русского народа
Я — русский молча плачу и молюсь...*

(Николай Боев)

Практически все стихотворения «Антологии» по своему интересны, обладают внутренним душевным напряжением. Хотя каждое из них передает свой, определенный оттенок переживаний автора.

У многих тульских поэтов значительное место занимает духовная тематика. Многие поэты в буквальном смысле посвятили свою поэзию этому направлению. К таким поэтам относится, например, *Серафим Лавров*.

С. Лавров — человек православный, верующий. Поэтому в его творчестве все наиболее вывечивается вера в Бога, в его предназначение на земле. Он живет с Богом в душе, с Богом в поэзии:

* * *

*Труден путь по стезе одинокой,
Когда сбитые ноги в крови,
От тропинки — к дороге широкой,
От неверия — к Вере глубокой,
От Надежды — в объятья Любви.*

* * *

*Спасибо, Господи, Тебе
За то, что я на свет родился,
Что русский я и что крестился.
Что Ты один в моей судьбе.*

*Спасибо за Россию-мать,
Ее подъемы и паденья,
За боль, за муки, за спасенье,
За то, что с ней могу страдать.*

*Спасибо, что люблю рассвет,
Грозы целебные раскаты,
Что дети есть и есть внучата,
Что зла и зависти в них нет...*

(Серафим Лавров «Спасибо, господи!»)

У поэтессы *Татьяны Хлопковой* все окружающие события преломляются через призму отношения к Богу. Наследие для нее «не от властителей земли», «не родословие семьи», а молитвы и надежды ее мамы:

*Ее молитвы и надежды;
Луча молитвенного нить
Светила мне во тьме кромешной.
Но также тихо, как жила,
Она ушла, ее не стало.
А я уж прежней не была,
Я что-то, мучаясь, искала.
Все обесценилось, как дым.
Едва светилась жизни искра.
Была сокровищем моим
Молитвы сила материнской.*

(Татьяна Хлопкова «Наследство»)

Впечатляет чудо, описанное Т. Хлопковой. Погибает рыбак в одинокой и утлой лодке.

*Мать старушка и плачет, и молится,
Рвется к небу души ее крик:
Бог Всевышний, прости меня, грешную...
Только сына спаси и верни.*

И в старый домик ударила молния, «и взметнулся огонь в синеву».

*Но из мрака беды и отчаянья,
Как бесценный подарок небес,
Вдруг разбитая лодка причалила,
Сын зовет ее: мама, я здесь.
Там, в пучине его потрясения,
Он увидел единственный знак.
Указуя дорогу к спасению
Дом горящий светил как маяк.*

(Татьяна Хлопкова «Маяк»)

Стихов на духовную тему сейчас достаточно много. Общей духовной тематикой объединены члены литературного объединения «Ковчег», да и у многих других литературных объединений духовная тема стоит на одном из ведущих мест. Однако, наряду с общей тенденцией духовного осмысления окружающей действительности, в поэзии наблюдается антитеза духовности, неприятие Бога, а подчас и надругательство над чувствами верующих. Характерен для этого отрывок из так называемой мистической драмы «Уриан» Сергея Гордеева (сборник «На крыльях «Пегаса», 2005»), который, на мой взгляд, является попыткой сатиры на библейскую тему.

В тульской поэзии как никогда остро встал вопрос о творческих преемниках поэтического наследия классиков, о становлении новой плеяды молодых поэтов. Появляются ли в наших поэтических рядах новые звездочки, а может даже и звезды, затмевающие своим светом разношерстную поэтическую палитру? Я думаю, звездочки появляются, о чем свидетельствует обилие интересных, незаурядных произведений поэтического жанра в журнале «Приокские зори».

Помимо известных и давно зарекомендовавших себя членов Союза писателей России Владимира Сапожникова, Александра Хадарцева, Константина Струкова, Николая Боева, Михаила Крышко, членов Российского союза писателей Сергея Галкина, Ирины Гавриловой, Виктории Ткач на страницах журнала печатаются менее известные поэты, такие как Борис Рубцов, Алексей Троицкий, Эдуард Мартынов, Владимир Резцов, Игорь Мельников. У этих поэтов есть свое видение мира, свое поэтическое восприятие действительности.

Как, например, рельефно, метафорично описывает город *Борис Рубцов*! Здесь и городская тема язв и страданий в условиях варварского капитализма и городская лирика:

*Скелеты трасс и жилы проводов,
Эритроциты красные трамваев:
Чихают трубы — город нездоров
И площадью Восстания зевает...
Завелся в нем какой-то паразит
И гложет изнутри его здоровье,
И бледен он бетоном серых плит,
И фонари горят у изголовья...
Ему бы подогреть себе вина,
Попить антибиотиков недельку,—
Покоя не дает ему вина:
Зачем продал предместьев душегрейку?!
(Борис Рубцов «Простужен город»)*

А строки из приведенного ниже стихотворения *Алексея Троицкого* действительно затрагивают какие-то глубокие нотки в душе. И написаны они достойно, четко выверенными словами, легко, без видимого напряжения:

*Печаль не скрою! Без нее мне одиноко.
Я как отшельник меж искусственных огней...
Порою жизнь бывает так жестока,
но Рай в душе, когда я рядом с ней.
В ее глазах — пространные равнины,
чудесный вечер, радужный закат...
Она мне станет верною Мальвиной,
которой, как Пьеро, я буду рад.
Она прекрасна, словно птички трели,
она дурманит мозг, как метадон.
Характер, как у дикой орхидеи,
в который я без памяти влюблен.
(Алексей Троицкий «Единственной»)*

А стихотворение «Весну подайте» *Эдуарда Матрынова* — свежее как ветер — импонирует своим весенним напором, звучит как гимн жизни, обновлению, свету:

*Весну подайте, хочется весны,
Ручьев желаю слышать переливы.
Смешны они, по-детски торопливы,
Мечтами делятся, рассказывают сны...
Я с малых лет, люблю их голоса.*

*Они меня всегда в дорогу звали,
В те тридесятые края, миры, и дали,
Где медом пахнет поутру роса...*

(Эдуард Мартынов «Весну подайте...»)

Теперь о светилах первой величины, поэтических звездах, способных безоговорочно войти в плеяду наших выдающихся поэтов. Считаю, что я не вправе назвать того или иного поэта новой звездой, это сделают большинство маститых писателей и благодарные читатели, которые, конечном итоге, и являются основными судьями творчества поэтов. Я думаю, не стоит спешить с восхвалением того или иного начинающего автора. Как говорится, покажет время.

А вот мэтр нашей поэзии Виктор Пахомов, не скрывает своего восхищения от произведений тульского стихотворца Алексея Гусакова (журнал «Приокские зори», №1(30), 2013г.). Конечно, встречаются в стихотворениях А. Гусакова новые словесные обороты, свежие мысли, некоторый специфичный взгляд на окружающие события и явления. Однако, безоговорочно, со всеми выводами В. Пахомова о его поэзии, я не могу согласиться.

В этом же номере журнала представлена подборка стихотворений А. Гусакова. И она начинается со стихотворения «Казюки».

Вообще, тема «казюков» не нова. Например, можно вспомнить замечательное стихотворение *Валентина Пудовеева* «Оружейный завод»:

*Тула, твой казенный Оружейный
Первый на Руси большой завод,
Вырос вдруг из кузницы келейной
И набрал высокий оборот.
Все свое: металл, станки и привод,
Да уменье деловой руки,
И плодилось мастера на вывод
Под завидным званьем — казюки.*

Или можно напомнить четверостишие из известного стихотворения Виктора Пахомова «Юбилейное»:

*...И в Туле шутят остряки,
Коль в чистом небе гром грохочет:
Знай, это кто-то чаю хочет.
И сахар колют казюки!*

В нашей поэзии, даже без использования слова «казюки», очень много написано о Тульских оружейниках. Большое внимание нашим оружейникам уделяет Валерий Ходулин. Его даже можно назвать «певцом тульских оружейников». Уроженец семьи потомственных мастеров, В. Ходулин всем существом впитал традиции и славу города оружейников, самоварщиков, потомков и наследников легендарного Левши. Венцом поэзии Ходулина о тульских оружейниках можно считать его сборник стихов «Гравюра», где он прославляет труд и мастерство людей оружейного дела.

Читаем теперь стихотворение Алексея Гусакова «Казюки».

*Без оглушительных прелюдий,
Как наложилось — так пою:*

*Мой город жив, покуда люди,
В него вливают кровь свою.*

Шутки ради, я бы это четверостишие отнес к проблеме донорства, которая сейчас осложнилась тем, что за сдачу крови донорам платить или вовсе перестали, или в разы уменьшили, хотя, на мой взгляд, это несправедливо.

«Как наложилось — так пою», — с эти тезисом я абсолютно не согласен. Если ему следовать, не обязательно работать над стихом, совершенствовать форму и содержание, а просто сочинять по настроению, «как наложилось»...

*Пока мир бряцает оружием,
Деля порфиры и венцы —
Визжат в горячем многостружье
И состригаются резцы.*

Честно сказать, я не все понял из этого отрывка. Какая связь между бряцанием оружия и визжанием резцов? Термин «горячее многостружье» относится к механической обработке металлов или еще к какой области? И почему резцы «состригаются»?

Последующие четверостишия я пропускаю без комментариев, хотя к ним тоже остаются некоторые вопросы... А далее читаю:

*Одна выходит на злосчастье,
Последним воином, земля.
Мой город взял ее запястье
И обернулся, как темляк.*

Почему на «злосчастье» земля выходит «последним воином»? И разве «выходить на злосчастье» требует творительного падежа? И вообще, на мой взгляд, такая форма построения предложения не совсем удачная. Теперь — второе предложение. Город взял запястье земли и обернулся... Город, что ли, обернулся? Каким образом? Как можно город сравнивать с темляком? Абракадабра какая-то.

И последнее в этом стихотворении четверостишие:

*Легко ль тебе, певец досужий,
Смотреть на свет из-под руки?
Там, самым главным из оружий,
Идут на смену казюки.*

И опять возникают вопросы. На какой свет «из-под руки» должен смотреть «певец досужий»? И почему он досужий? Ведь досужий означает «свободный от дела, праздный», короче говоря — бездельник.

И наконец, я начинаю догадываться, что казюки, идущие на смену, — это самое главное из оружий. Каких оружий или оружия? Не того ли оружия, каким бряцает весь мир?

В другом стихотворении А. Гусакова «Дед»

*танки шли, огнем плюясь,
вода в ложбинах тлела,
железо ввинчивалось в грязь,
выщупывая тело.*

Я понимаю, что глагол «плююсь» больше всего рифмуется со словом «грязь», но ассоциация от слова «плююсь», на мой взгляд далека от обстановки военного боя. От плевков люди не погибают.

И потом... Как это «железо ввинчивалось в грязь»? По какой резьбе — правоходной или левоходовой? И какое тело могло «выщупывать» железо? Абсолютно непонятно, даже если подразумевать использование аллегорий. Существует глагол «выщипывать» (например, выщипывать курицу), также глагол «ощупывать». Но глагол «выщупывать» я что-то не припомню, тем более «выщупывать тело». Может быть, это есть очередное «открытие» автора?

Наверно много можно говорить о находках автора, его «открытиях». Но также можно говорить о его жонглировании словами, о явных шероховатостях, заметных невооруженным взглядом. Поэзии А. Гусакова можно посвятить отдельную дискуссию, в которой могут принять участие и другие поэты и писатели. А заодно затронуть в ней вопрос о соотношении в поэзии сложного и простого, в хорошем понимании этого слова.

Однако, признавая в целом положительную, плодотворную сущность тульской поэзии, следует отметить большое количество серых, бездарных стихотворений наших авторов. Вероятно, на творчество многих поэтов оказывает влияние социальная среда, современные рыночные отношения, сложившиеся в обществе. И в этих отношениях стали цениться такие черты современного человека, как прагматизм, рационализм, бездуховность.

И снова хочется вернуться к вопросу о качестве произведений наших многочисленных литераторов, которыми заполнены не только их авторские сборники, но и коллективные сборники тульских писателей. Чтобы не быть голословным, процитирую некоторые стихотворения:

*Повсюду пробки из машин,
А мы спешим, чего-то добывая,
Ползем до призрачных вершин,
От суеты безмерно уставая.
Я знаю лес и озеро внутри,
Бывает, любоваться приезжаю:
Туман шевелится вдали
И образы поэту навеивает...*

(Игорь Боронин «Туманалия»)

*Ты опять ушел с Еленой,
Я с Вадимом у костра
В этот вечер незабвенный
Засиделись до утра.
Не такой он принц, твой Мишка,
Говорит Вадимка-свет.
Ты пойми меня, глупышка,
Что в Елене толку нет.
Все мечты его растают,
И тогда, дружок, «привет»!
Ленку деньги только манят,
А у Мишки денег нет,
Ну, давай мы сходим к речке,
Посидим на берегу.*

*Успокой свое сердечко,
Я читать стихи могу.
...Вечер тихий и спокойный,
Над рекой туман бежит.
У Вадима взгляд влюбленный,
Что-то личное таит.*

(Тамара Дик « Старый друг»)

*Все чаще в роли зрителя;
Антре попово-грустно...
Пиши привет родителям —
Как там прижились чувства?
Шарахаются новости
От хроник криминальных;
Кто первым скажет доблестно,
Что их лелеем сами?*

(Виктор Фролов)

Невооруженным взглядом видно, что приведенные стихи либо слишком наивны, либо отражают какие-то молодежные «разборки», либо запутывают читателя своими «попово-грустными» впечатлениями. Приведу еще несколько четверостиший из тех, над которыми, на мой взгляд, авторам следовало бы более тщательно поработать. Пусть эти строчки оценит непредвзятый читатель:

*С тобою мне одни лишь стрессы,
Медузная моя душа.
А я ведь значусь поэтессой,
Сонет держу в руках, дрожа.
(Зинаида Выводовская)*

*Я ревную тебя к цветам,
Что прилипли к твоей руке.
Я ревную тебя к словам,
Что живут на твоём языке.*

* * *

*Но королеве не пристало
Платить изменой королю.
Я, королевой если б стала,
Любила б вечно и люблю,
Люблю тебя, как короля.
Корона только где моя?*

(Алла Куликова)

*В дальних окнах горячие свечи
Душат ржавую бронзу заката.
Раздаются тоскливые речи,
Улетая сквозь щели куда-то.*

*Закрой глаза, и ты увидишь вечность,
Не вспоминай, не думай обо мне.
Я только сон, мгновения беспечность,
Мелькнувшая в небесной глубине.*

(Ирина Сергеева)

*Не боюсь я красавицу-смерть!
Мне знакома ее круговерть.
Вновь на землю отправит меня
Среди самого светлого дня.*

(Валерий Власов)

Хочу сказать, что многие из приведенных четверостиший легче и понятнее было бы изложить в прозе, тогда хотя бы было ясно, что этими строчками хотел сказать автор. А некоторые такие произведения настолько прозаичны, темы их настолько традиционны, что на этом поэтическом поле сеять что-либо разумное, доброе, вечное можно только, тщательно выверяя полет своего поэтического вдохновения и форму изложения.

Я приводил отрывки или полные стихотворения из сборника «На крыльях «Пегаса», 2011», издания литературного объединения «Пегас». Аналогичное можно встретить в сборниках других литературных объединений.

Хочу еще привести несколько стихотворений, читая которые хочется сказать: «Поэт! Отходи от мелкотемья дней текущих, берись за темы вечные, от того не менее важные для тех же дней текущих...»

*Дело было давным-давно,
Однажды, проснувшись с рассветом
Отворил человек окно
И вздохнул, подумав при этом:
«Вот опять новый день пришел,
Список дел все длинней и длинней.
Ах, как было спать хорошо!
Жизнь — как поезд, поспеть бы за ней.
Может мне поболеть слегка?
Вот тогда отдохнул бы я вволю,
Отлежал на диване бока,
Но не стал бы ругать свою долю.
Может отпуск взять за свой счет
И уехать в дальние страны?
Пусть зарплату жена подождет,
А себе на гудеж я достану!..»*

(Изольда Агибалова «Ленивое утро»)

*Радует и манит с юных лет
Мир прикосновений, тайн, соблазнов.
Только вот в тумане сигарет
Мысль порой бывает несуразной.
Настежь отворив души врата,
Можешь стать жертвой тяжкой ноши.
Вспомни про распятого Христа,*

*В памяти слегка Он припорошен.
Выйди с упоением к мечте
Без уподобленья в жизни птице,
Что сидит голодной на шесте,
Потому что пугала боится.*

(Николай Кашин «Мир прикосновений»)

На это стихотворение я также отвечаю четверостишиями:

*Манит с юных лет
мир соблазнов, искушений,
Да и взрослых манит
мир прикосновений.
Только сигаретный ядовитый дым
Может привести вас
до большой беды.
И поэтому курить
решительно бросайте!
Но врата души, друг мой,
не отворяйте!
Ведь от дыма губельного
ваших сигарет
Только несуразица и прочий бред.
И не надо все вспоминать Христа,
И порошу с вашей памяти смахните.
Птицу же скорей
снимите с голого шеста,
И свою стихотворной крошкой
накормите.*

А вот стихотворение Елены Грислис из ее сборника «Волокна нервные дрожат»:

*По надобе тебя,
По надобе меня,
По надобе мы вместе.
Лет через десять взвесьте:
Есть надоба тебя —
Нужна была меня?
По надобе мы вместе?
Лет через двадцать взвесьте...*

Думает, думает поэт: как сделать, чтобы твои стихи ложились на душу читателя!

Но, в конечном итоге, за свои авторские сборники отвечают сами авторы и единственными судьями здесь являются читатели. Но вот, если такие стихи попадают в коллективные сборники тульских поэтов, то кроме самих авторов ответственность за качество стихосложения несут составители сборников и, конечно, руководители тех литературных объединений, в которых состоят эти авторы. Ведь не исключено, что эти сборники читают не только жители Тулы и области, но и литераторы других регионов страны. И по этим сборникам будут судить об уровне в целом поэзии наших земляков. Вот почему ведущее наше издание «Приокские зори» так тщательно отбирает авторов-поэтов.

Однако, не только литераторы — члены литературных объединений, но и их руководители не следят за произведениями своих воспитанников, в нужной степени не отслеживают качество стихотворений, отобранных для коллективных сборников. Поэтому в тульские сборники подчас попадают произведения не самой высокой пробы. Отсутствует объективная конкурсная система отбора произведений, нет надлежащей работы над отобранными в сборники стихотворениями, отсутствует помощь в этой работе со стороны руководителей литобъединений.

А иногда сами руководители грешат ляпами в своем творчестве. Приведу одно стихотворение известного литератора, члена Союза писателей России, хорошо известного в литературных кругах Тулы.

*Мы идем с тобой по травам,
Месяц улыбается,
На плече твоём на правом
Мой пиджак болтается.
Нам легко. Знобит прохлада,
Не унять любовный пыл,—
Поцелуй тому награда,
Кто сильнее полюбил.
Как же мы с тобой поступим? —
Целоваться хочется...
Мы друг другу не уступим,
Пока ночь не кончится.*

Интересно, какого года это стихотворение? Мне кажется, написано оно лет 50 — 60 назад, но это не снижает «актуальности» темы.

Таким образом, чтобы не засорять наши поэтические сборники таким многоликим квазипоэтическим суррогатом, руководителям наших объединений следует строже относиться к качеству стихосложения, заставляя многократно исправлять, переделывать, а то и просто исключать такие произведения из сборников. Ведь эти сборники — лицо нашей тульской поэзии.

Мы живем в нелегкое время перемен, реформ, «перезагрузки». Перемены эти происходят везде — в политике, в экономике, а главное в очень тонкой сфере — в литературе и искусстве. Культ денег, культ наживы стал проникать в сознание читателей и в особенности — в сознание молодежи. В средствах информации происходит массированная психологическая обработка, в основе которой — смакование сценами насилия и жестокости.

В литературе нашли свое отражение те же самые процессы, которые охватывают промышленность и торговлю. Более жизнеспособными становятся коммерческие проекты, рассчитанные на среднестатистического читателя, который газету просматривает по диагонали, обращая внимание исключительно на жареные факты и желтую прессу. Литература стала подстраиваться под такого читателя, она становится потребительской. В последнее время литература, в том числе и поэзия, стала терять свое лицо, она девальвируется, освобождая место низкопробным произведениям ширпотребовских жанров. Как говорится, имея деньги или богатых спонсоров, можно издать практически все что угодно и с хорошими тиражами.

Читательский интерес к серьезной поэзии заметно поубавился. Именно поэтому серьезные произведения тульских писателей, многие из которых входят в союзы писателей России или в литературные объединения, издаются, к сожалению, малыми тиражами и чаще всего на средства самих авторов. Например, в прошлом 2012 году

так и не был издан сборник произведений тульских писателей «Иван-озеро», а ежегодник «День тульской поэзии», выпускаемый на средства авторов, издается небольшими тиражами 200 — 250 экз, что, естественно, недостаточно для большой аудитории тульских читателей. Следует отметить, что в издательстве («Гриф и К»), где были изданы эти сборники, самые различные произведения московских авторов или авторов других областей, не имеющих каких-либо финансовых затруднений, выходили в десятки и сотни раз большими тиражами. Во все эти процессы вмешивается, к сожалению, ее величество «коммерция».

Тульская поэзия, как и вся Российская литература, испытывает большие трудности. Сейчас не самое лучшее время для поэзии. Из-за больших стремительных перемен в политике и экономике пошатнулись моральные устои в обществе. Произошла переоценка ценностей не в пользу классическим, традиционным направлениям в духовной жизни. Читателям, в особенности молодым, трудно сориентироваться в потоке информации, поступающей из различных средств СМИ. В такое сложное время Тульская поэзия, несмотря на все ее недостатки, должна стать оплотом духовного возрождения. А для этого любыми способами она обязана завоевывать все большую аудиторию читателей, прививать у них любовь к нашим русским традициям, к нашим духовным истокам. Ведь впереди нас ждет «звезды необоримый свет», светящийся гранями палитры Тульской поэзии.

...Автор выражает глубокую благодарность редакции журнала «Приокские зори», выразившей желание напечатать столь пространный очерк.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ЕГО СТЕЗЯ

«Нужное дело свершай, лучше бездействия — дело...»

Дхамманада

В предисловии к книге Э. Георгиевского «Своя стезя» В. Сапожников дал достаточно четкое определение: автобиографическая повесть.

Зная Э. Георгиевского более 40 лет по совместной работе в областной больнице, поначалу казалось непонятным изменение им фамилий, имен и отчеств, названий учреждений, городов и самой области. Но потом стало ясно, что автор, как врач, соблюдал этический принцип ненанесения вреда вероятным читателям, которые, правда, наверняка узнают самих себя в персонажах повести. К тому же это произведение — не мемуары, в которых описывается преимущественно тот или иной отрезок времени. В «Своей стезе» ощущается желание отразить действительность — через личное восприятие автора. Несмотря на идентичность ситуаций, лиц — с реальными, все-таки ощущается не сторонняя, мемуарная, а авторская, художественная их трактовка. Видимо, литературоведы найдут повод для критических высказываний по компоновке книги, по схематичности некоторых персонажей, по корректуре (наличие пробелов перед запятыми, например на с. 383, после открытия скобок — с. 323, там же отсутствие пробелов перед скобками, отсутствие полного текста на 47 и 342 с. — *в доступном мне экземпляре*), но это вопросы в большей степени к литературным критикам и издательству. Все-таки авторская верстка и корректура всегда будут отставать от профессиональных.

Умышленно начал с критических замечаний по оформлению книги, чтобы с чувством особого удовлетворения перейти к описанию сущности повествования Э. Георгиевского.

Это и хроника жизни нашего поколения врачей: этапы обучения, начала трудовой деятельности, становления специалистов на фоне послевоенной разрухи, хрущевских кукурузных новаций, брежневской хронической застойности, горбачевской недоперестройки, ельцинской бандитской вседозволенности. Но это и время первых спутников, полетов в космос, кубинского кризиса и грандиозныхстроек.

Это предтеча переломного времени: самоубийства СССР и возникновения периода неопределенности со скрытой внутри надеждой.

Наше поколение, рожденное до, во время и сразу после войны — относится теперь уже к середине прошлого века. Но, посмотрите с какой юношеской непосредственностью описываются автором время службы в армии и обучения в институте. Через все ушедшие времена прослеживается теплое отношение к сокурсникам с их разными судьбами, но с тем чувством локтя, которое сохранилось в течение нескольких десятилетий.

А вот — память первой, на всю жизнь продолженной любви: «Вадим сразу увидел Татьяну. Она была настолько привлекательна в своем синем платье с елочной гирляндой на плечах и блестящей брошью возле левого плеча, что Вадима сразу потянуло к ней. Он подошел и вежливо пригласил на вальс. Они кружились так, как будто бы танцевали всю жизнь». Это кружение по жизни, воплощенное в детях, вечной спиралью проходит от первой до последней страницы.

И, все-таки, главный лейтмотив — врачебная деятельность, прочно связанная и с сахалинскими медучреждениями, и с областной тульской больницей, независимо от ее места нахождения: вначале в Заречье, затем в Глушанках. С первых же страниц даются емкие характеристики как внешние, так и внутренние, главных врачей и ведущих специалистов. Перед глазами легко узнаваемые портреты Ивана Акоповича Тумаяна, главного врача областной больницы на ул. Дрейера, Льва Самойловича Рубинштейна — легендарного врача-проктолога, увиденные главным героем, еще студентом-практикантом.

И вот — направление на Сахалин, где он переживает самые впечатляющие и запоминающиеся встречи с природой, бушующей летом, с равнодушными людьми круглогодично и всепогодно. Сахалинские впечатления четкие, емкие, достоверные. Могут судить об этом, поскольку сам жил и в Углегорске, и в Южно-Сахалинской области с 1945 по 1952 гг. Мои детские и авторские юношеские представления о сахалинской действительности настолько совпадают, что не чувствуешь временной разницы. Но в «Своей стезе» — описан период врачебного становления автора уже под углом зрения взрослого человека. Радость от получения первой квартиры, хлопоты обустройства, первый пациент, больной тифом, первое дежурство, будничная работа врача, прерываемая незабываемыми встречами с природой, богатой сопками, речками, красной рыбой, икрой, овощами, ягодами, «буйной растительностью», хорошими людьми и бывшими зеками. Ловля корюшки, взрыв перегретого баллона, встречи с пограничниками, браконьерами, трагедия с утонувшей по неосторожности девочкой, подледный лов рыбы, поездки на лесовозе, тоннели в сугробах после многодневной пурги, замерзшие под снежным вихрем дети, поездки к морю, обрушивающему многометровые волны на берег. Работа на здравпункте. Встречи с однокашниками и вновь воспоминания о работе в стройотряде на целине, песни под гитару, рождение сына-первенца. Смерть матери, трудная дорога от Сахалина к материнской могиле. Безрезультатная охота на лису. Утомительный путь на круглое озеро, ловля форели. И вновь работа с больными. «Медики — народ нищий. Но благородный». Отдых в Бердянске, на Азове. Забытый и купленный новый спиннинг.

Вновь встреча в Туле с И. А. Тумаяном, а также с зав. отделением терапии, великолепным диагностом Т. А. Белолипецкой, оформление на работу в облбольницу зав. приемным отделением, по совместительству — в терапию, где наставник — В. Д. Вахомская, ранее тоже трудившаяся на Сахалине. Врачебная конференция, на которой автор сделал доклад о стенокардиях, вызванных остеохондрозом позвоночника в присутствии тогдашних мэтров тульской медицины: Н. К. Борисовой, Л. С. Рубинштейна, Н. М. Курочкина, И. И. Геца, В. Я. Драпкина, З. И. Киршеевой, И. Д. Ройзена и других. Полученное одобрение — за выступление. Поездка на строительство нового здания областной больницы. Специализация в Ереване по инфекционным болезням.

Как в калейдоскопе чередуются самые разнообразные факты из реальности. Иногда это только намеки на ситуацию, иногда — развернутая характеристика явления, особенно в отношении природы, семейных коллизий, врачебных дел.

Особо близка всем нам тема областной больницы, функционирование которой в новом здании в кратчайшие сроки было осуществлено энтузиастами, возглавляемыми главным врачом Илюхиным С. Д. — беспокойным, активным, равнодушным человеком, мобилизовавшим собственные силы и возможности своего окружения для

достижения цели создания флагмана тульской медицины. В книге об этом сказано немало и подробно. Открытие инфекционно-диагностического корпуса с тремя отделениями, неврологического, а затем и главного корпуса, их оснащение и пуск, — показаны как итог сплоченной деятельности заведующих отделениями, медицинских сестер, санитарок, сумевших обеспечить своевременный ввод в строй самого крупного объекта здравоохранения. Каждому из них дана соответствующая оценка автором. Видны отчетливо его симпатии и антипатии к отдельным личностям, но эти оценки всегда корректны, этически выверены, и, пожалуй, объективны.

Воспоминания несут заряд оптимизма и чередуют личные радости (пребывание в санатории в Рязанской области) и беды (болезни), но они, как и в жизни, уравновешивают друг друга. Даже несправедливые решения нового руководства больницы в отношении автора, описаны детализировано, но с пониманием тогдашних взаимоотношений между реальными людьми.

Автором используются не розовые и не черные очки при взгляде на прошлое. Он водружает на глаза читателя очки объективности. Он по доброму и искренне пишет о многих коллегах, радуясь их успехам. Это находит убедительное подтверждение в аккуратном вкраплении собственных стихотворений в мозаику повести. Они просты, написаны на основе сиюминутных ощущений в те относительно далекие времена, и в превосходной степени характеризуют самого автора, который и в 30-летний юбилей окончания вуза встречается с одноклассниками в Москве, помня их, радуясь их успехам, сохраняя в памяти мельчайшие подробности встречи и донося их до читателя.

Автор искренен. Он делится трудностями внедрения нового («живая» и «мертвая» вода), связанным с непониманием, бюрократическими препонами, да и с нежеланием брать на себя ответственность, даже во имя здоровья пациентов. Это явление общее и проходит через все времена. До сих пор новое, несмотря на призывы к «инновационному внедрению», с большим трудом пробивается сквозь бумажные преграды, становящиеся монолитно-каменными для новаторов. Все ждут, когда из-за рубежа или из министерских кабинетов появится одобрительный папирус за многими печатями. Подробно описывает перипетии своего обучения автомобильному вождению, почти по-детски радуясь своим успехам. Радость познания и обучения сохранена им в неизменности. Автор не чужд и новым веяниям, описывая свое участие в информационно-консультативном центре «Арго».

Он нашел «Свою стезю». Пусть будут у читателей различные точки зрения на стиль, компоновку, на точность характеристик этой повести. Обращусь к вероятным критикам повести: «Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, но на сделанное и несделанное им самим», как говорилось в «Дхаммане». В древней философии есть тезис: «Свой долг, даже неисполненный, лучше чужого, хорошо исполненного». Наш современник и коллега — Э. Георгиевский дал художественное описание жизни, в которой мы все жили, переживали аналогичные ситуации, продолжали в своих детях начатое. Это достаточно ответственно, но открытость автора позволяет легко воспринять написанное, независимо от возраста читателя, ибо для одних в книге найдется познавательная информация о прошедшем времени. Для других — это повторное проживание жизни, возможность сравнения личных впечатлений с авторскими. Э. Георгиевский свой долг выполнил и продолжает выполнять. Это — его стезя!

И опять из Дхаммады: «Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу».

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СВЯТОЙ ПРОТИВ ЛЬВА

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова

«Святой против Льва: история одной вражды» так называется новая книга известного российского писателя и журналиста, ведущего литературного критика, редактора отдела культуры «Российской газеты», лауреата литературной премии «Большая книга» Павла Басинского, презентация которой прошла 17 мая 2013 года в Центральной городской библиотеке имени Л. Н. Толстого города Тулы. Книга увидела свет в 2013 году в «Издательстве АСТ» (Москва), тираж книги составил 12500 экземпляров.

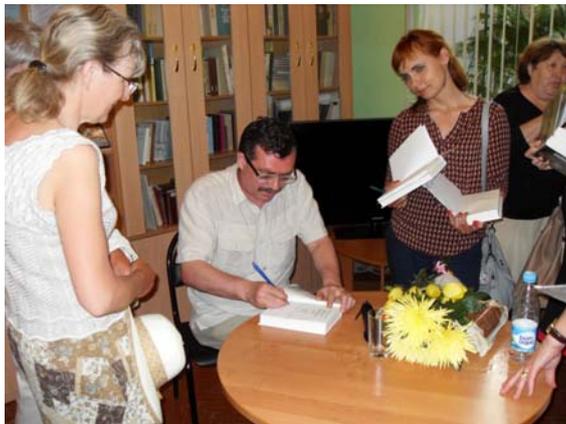

Павел Валерьевич — автор нескольких книг как художественной, так и документальной прозы. Предыдущая его книга «Лев Толстой: бегство из рая», вышедшая в 2011 году в «Издательстве Астрель» (Москва), тираж книги составил 5000 экземпляров, вызвала огромный интерес среди литераторов, критиков и читателей. Книга была отмечена литературной премией «Большая книга».

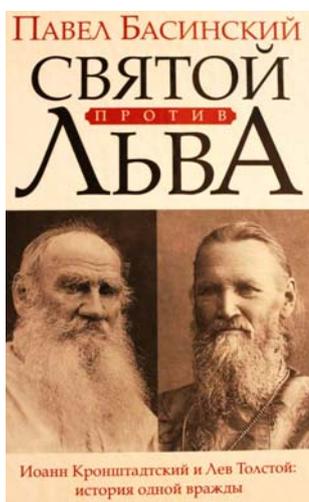

Книга «Святой против Льва: история одной вражды» — повествование о сложных взаимоотношениях двух великих людей живших в одно время — Святого Иоанна Кронштадтского и великого яснополянского мыслителя Льва Толстого. В книге Павел Басинский проводит не только пристальное исследование жизни и творчества автора «Войны и мира», но и обращается к очень важному и противоречивому периоду его жизни — сложному взаимоотношению с Русской Православной церковью. Два великих человека — Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой, два великих

ума, два разных взгляда на жизнь, на веру, на обстоятельства. Два титана того времени, среди которых порой даже меркнет образ царя Николая Второго, встали на путь непримиримой вражды друг с другом. Толстой и вера, Толстой и духовенство. Об этом книга-исследование Павла Басинского. Исследование показательно не только своими тенденциями и методами, своей постановкой отдельных социальных и политических проблем того времени, но и призывом к современному читателю, к его сердцу и душе, как напоминание о святом и грешном. И трудно порой понять в том жизненном переплетении чувств, где святость,

а где греховность.

материалах и чудом сохранившихся дневниковых записях людей — свидетелей того времени. Она иллюстрирована уникальными фотографиями, хранящимися в архивных фондах. Книга вызовет немалый интерес среди историков, литераторов, критиков, толстоведов и простых читателей.

Во время презентации Павел Басинский ответил на ряд вопросов присутствовавших в читальном зале библиотеки многочисленных гостей.

В заключение встречи заведующая читальным залом библиотеки Оксана Владимировна Амелина поблагодарила Павла Басинского за интересную и познавательную беседу, пожелала ему дальнейших творческих успехов и быть частым гостем библиотеки.

Отношение Толстого к церкви было очень сложным, очень не простым. Когда Толстого отлучили от церкви, огромная часть молодежи ликовала этому отлучению. Они кричали: «Слава Толстому!», а он сам был обескуражен, удивлен и изумлен этим обстоятельством. Думается, что это отлучение его очень сильно ожесточило. Знаменитое обращение Толстого к духовенству — это обращение не только к духовенству Православному. Это обращение к духовникам всего мира, к церквам всего мира. Толстой отрицает церковь всего мира. «Вы все лгуны! И Вы должны признать эту свою ложь!», говорилось в этом страшном обращении Толстого. Толстой фактически отрицал все мировое предание, все то, чем жило и живет человечество. «Это я и пытаюсь показать в своей книге», — сказал в своем слове Павел Валерьевич. Книга основана на архивных

